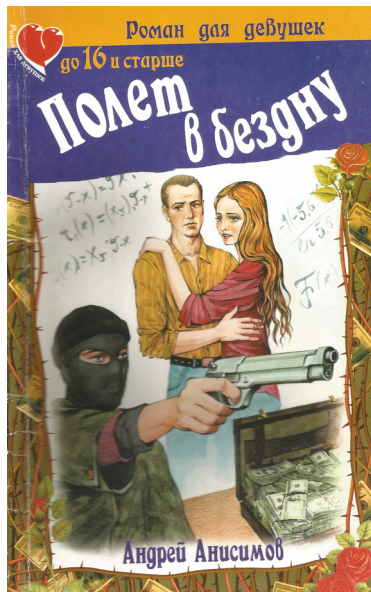

Андрей Юрьевич Анисимов
Полет в бездну
Серия «Роман для девушек»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8957122

Аннотация

Удивительный дар делает обыкновенного молодого человека невольным соучастником ограбления банка, превращая его в миллионера... Мечты вот-вот могли бы стать реальностью: роскошная жизнь, любовь красавиц... Но обстоятельства заставляют по-другому взглянуть на свое богатство.

Хочешь узнать, удастся ли нашему герою разгадать тайны потустороннего мира? Избежать преследования бандитов и найти похищенную любимую девушку? Тогда читай повесть, и водоворот событий непременно захватит тебя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Андрей Анисимов

Полет в бездну

Глава 1

Хоть бы ты подрался

– Хоть бы ты подрался, или убил кого-нибудь, или совершил что-нибудь необыкновенное, – возмущенно выговаривала Вика своему кавалеру, когда он с жухлым цветочком являлся секунда в секунду на место встречи. Иногда Вика специально опаздывала в надежде, что Петрищев обидится и уйдет и в их отношениях возникнет хоть какое-нибудь приключение. Но юноша не обижался, а безропотно ждал, пощипывая подвявший цвет. Миниатюрная стройненькая Вика, сама аккуратистка и паинька, должна бы радоваться спокойствию и пунктуальности друга. Но Вика думала так: «Вот когда станем совсем взрослыми и поженимся, тогда замечательная заурядность Петрищева для безоблачной семейной жизни окажется незаменимой. А пока он мой кавалер, то обязан быть исключительным».

Вика завидовала подругам, когда те рассказывали о «подвигах» своих парней. Подруги, в свою очередь, завидовали Вике, потому что у нее преданный и предсказуемый друг.

В Вику Петрищев влюбился еще в детском саду. Их водили в одну группу. С тех самых пор Антон Петрищев превратился в нечто вроде ее тени: где Вика, там и он. Окружающие давно привыкли к их союзу и ставили их постоянство в пример другим. Ни самом деле Вика немного скучала в общество Антона. Она была не прочь пофлиртовать с другими парнями и радовалась их вниманию. Когда Петрищев ей за это выговаривал, девушка поджимала губки и заявляла:

– Сделай что-нибудь необыкновенное, и я ни на кого смотреть не стану.

Петрищев страдал, но не менялся.

Антон родился на три месяца раньше Вики, ему уже исполнилось семнадцать. Вика собиралась звать гостей на свой день рождения завтра. А сегодня она шла на свидание с Антоном по Пушкинскому бульвару. Они договорились встретиться возле памятника поэту, добравшись до места встречи пешком: Петрищев со стороны Большой Никитской, Вика со стороны Трубной. Пасмурное настроение Вики соответствовало погоде. Над Москвой плыли низкие тучи, влажной пылью моросил мелкий дождик.

– Завтра мне семнадцать, – размышляла Вика, – а я даже толком не целовалась! Петрищев, словно пень, станет рядом и все. – Девушке иногда хотелось, чтобы Антон перестал стесняться и рассказывать ей математические формулы, а обнял за талию, прижал к себе и долго и сильно поцеловал. От этих мыслей ее юные крепкие грудки заныли. – От него дождешься... – вздохнула Вика и в тот же миг почувствовала, что дождик перестал и она под крышей.

Кто-то раскрыл над головой девушки огромный черный зонт. Вика оглянулась и увидела высокого седого мужчину. Он шел рядом и выглядел так, будто они давно идут вместе. Вика остановилась и вопросительно уставилась на незнакомца. Седой, несмотря на седину, не казался старым и глядел на Вику голубыми глазами шаловливого ребенка. Девушка смутилась. Сказать грубость не было оснований – ее заслонили от дождя. Благодарить незнакомца тоже как будто неприлично. Вика еще больше смутилась, и ее розовые щеки покрылись пунцовым румянцем. Вика сделала шаг, шагнул и обладатель зонта. Так они некоторое время двигались по бульвару.

– Хочешь, я тебя поцелую? – неожиданно спросил голубоглазый.

– Вы с ума сошли! – возмутилась Вика. Она хотела еще что-то добавить уничижительное, но осеклась, вспомнив, что именно о поцелуях только сейчас думала. Неужели этот странный субъект догадался о ее мыслях? Седой не обратил на замешательство девушки никакого внимания и доверительно продолжал:

– Любая юная особа в семнадцать лет грезит о нежном поцелуе. Зачем же себе отказывать?

– Может, и грезит, но... с любимым! – набралась смелости Вика.

– Вика, ты меня обижаешь, – улыбнулся Седой и вонзил свои голубые зрачки в изумленные глаза девушки.

– Вы меня назвали Викой? – задала она довольно глупый вопрос.

Седой ухмыльнулся и продолжал молча разглядывать пунцовую от смущения барышню.

– Не припомню, где и когда мы встречались? – пролепетала Вика, чтобы нарушить неловкую затянувшуюся паузу.

– Мы никогда не встречались, но это не имеет ни малейшего значения, – безразличным тоном сообщил незнакомец.

– Может, вы волшебник?

– Некоторым образом. Но дело в том, что в моем мире ваши чудеса считаются обыденными пустяками....

– И как называется этот удивительный мир, где вы изволите обитать? – пойнтере сова-лась девушка.

– Люди иногда называют этот мир параллельным. Но я не уверен, что его название поддается определению, – признался Седой и, указав на памятник Пушкину, который уже виднелся впереди, предупредил: – Мы у цели. И кавалер твой возле бронзового Шурика топчется. Видишь?

Вика поглядела вперед и увидела справа от постамента понурую фигуру Петрищева. В руке Антона мок неизменный подвядший цветочек.

– Не замечаю в глазах барышни влюбленного восторга от предвкушения встречи с милым, – съязвил Седой.

– Я вас совсем не знаю, но с вами интересно. Его я знаю с четырех лет – и тоска, – призналась Вика и подумала, что она дрянь. Первому встречному жалуется на своего парня.

Тебе не нравится, что твой избранник порядочный и серьезный молодой человек? – посочувствовал незнакомец. Вика промолчала. Седой подмигнул ей: – Пожалуй, я тебе помогу. С завтрашнего дня все будет по-другому, – пообещал он.

– Что за день такой завтра? – не поняла девушка.

– Завтра тебе исполнится семнадцать, и по этому случаю произойдет много неожиданного...

Вика хотела спросить, откуда и этот факт ее биографии известен странному попутчику, но почувствовала на лице капли дождя и подняла голову. Черный зонтик над ней исчез и седой незнакомец с детскими голубыми глазами. Перед ней стоял Антон Петрищев и виновато улыбался. Казалось, что опоздала не Вика, а он сам. Вика брезгливо приняла мокрую от дождя гвоздичку и строго сказала:

– Антон, я должна к завтрашнему дню привести себя в порядок и помочь маме. В кино мы не пойдем. Просто проводи меня, и все.

Вика заметила, как погрузтели глаза Петрищева, но осталась непреклонна. После удивительной встречи на бульваре, загадочных слов и обещаний седого незнакомца Вике захотелось побыть одной. Когда, изрядно промокнув, они молча дошагали до Лихова переулка, девушка безразлично чмокнула Петрищева в щеку и скрылась в своем подъезде. Антон постоял немного, поглядел на дверь парадного, за которой скрылась Вика, перевел взгляд

на соседний подъезд, где под мокрой плащ-палаткой торчал охранник банка «Недра», занимавшего почти весь первый этаж старинного особняка, где жила Вика, и побрел домой.

Петрищев жалел, что свидание получилось столь коротким. Он даже не успел поделиться с Викой неожиданным решением формулы для перехода от декартовой системы к полярной. Эта удивительная формула выглядела на данной прямой, как $3 + 4y - 5 = 0$. Вика, конечно, не поняла бы сразу. Но Петрищев терпеливо и обстоятельно мог бы ей это разъяснить. Вернувшись из кино, они бы уселись рядышком за ее письменный стол. Антон бы взял лист бумаги и, чертя формулу, касался бы Викиной руки, чувствовал щекой ее волосы... В такие минуты Петрищев бывал счастлив.

Антон давно приобрел подарок для завтрашнего торжества. Он все делал обстоятельно и заранее, никогда не оставляя решения проблем до последней минуты. Завтра только и останется, что купить цветы. Он и цветы купил бы загодя, но они могут завянуть. На свидание он и так всегда приходил с подвявшим цветком, потому что покупал его задолго до встречи. Деньги на подарок он копил несколько месяцев, экономя на всем. После покупки подарка оставалась целая сотня. Этих денег хватит на цветы и еще останется на непредвиденные расходы. Сторублевая купюра, аккуратно сложенная пополам, хранилась в особом, потайном отделении бумажника Петрищева. Сегодня он сэкономил на кино, что входило в графу непредвиденных расходов. Но сохраненные деньги юношу не радовали, хотя к деньгам он относился очень бережно. Родители выдавали сыну по двадцать рублей в неделю. Десять Петрищев тратил, а десять укладывал в копилку. Антон давно замыслил пригласить Вику перед ее рождением в кинотеатр «Художественный». Уныло возвращаясь в одиночестве домой, он думал о предстоящих выходных.

– Раз не попал в кино, проведу вечер пятницы с пользой для интеллекта, – решил Антон, подходя к дому.

Родители собирались рано утром укатить на дачу. Олег Николаевич, отец Антона, инженер НИИМостеха, возился во дворе с машиной. Ровесник Антона, семейный «жигуленок» Петрищевых перед поездкой за город нуждался в серьезной подготовке. Антон, нагладившись на автомучения папаши, к машине испытывал отвращение и на предложение Петрищева-старшего начать учебу в автошколе ответил отказом. Ковыряние в промасленных железках его не прельщало. Для приличия постояв рядом с родителем, Антон поднялся в квартиру. Старенький лифт, вздыхая и подрагивая, доставил его на пятый этаж. Двери допотопного лифта не открывались автоматически. Петрищев распахнул две створки, убедился, что находится на своем этаже, и только после этого шагнул на лестничную площадку.

В квартире он первым делом тщательно с мылом вымыл руки. На улице полно инфекции, и поэтому гигиене юноша уделял повышенное внимание. Покончив с бактериями, Антон уединился в своей комнате и принялся осматривать личный гардероб. Одежда Петрищева-младшего состояла из джинсов и свитера, в которых он и ходил на свидание. И то и другое требовало сушки, и Антон приладил влажную одежду на свободный стул. После чего раскрыл шкаф и снял вешалку с выходным двубортным костюмом. Костюм купила Антону мама на неожиданную премию. Папа добавил к костюму синий галстук с блестками, а бабушка – лакированные черные туфли. Все это он получил три месяца назад на свои семнадцать лет. Родня решила, что теперь их дитя взрослое и должно иметь одежду «на выход». Дома Антон ходил в вытянутых спортивных рейтузах и линялой ковбойке. Эти вещи носить на улице неприлично, а дома в самый раз.

– Ты поедешь завтра с нами на дачу? – спросила Маргарита Васильевна у сына.

– Мам, ты же знаешь, завтра у Вики день рождения, – обиженный рассеянностью матери, буркнул Петрищев.

– Да, да... Я забыла, – сконфузилась Маргарита Васильевна и оставила сына в покое.

Петрищев придирчиво осмотрел свой новый костюм. Не попортились ли складки на брюках, не налипли ли пылинки и волоски на пиджак? Убедившись, что выходная пара в порядке, Антон вернул костюм в шкаф и плотно прикрыл дверцы. Затем из нижнего ящика извлек лакированные туфли и, смахнув с них несуществующую пыль, отправил на место. Покончив с одеждой, Антон уселся за письменный стол и включил лампу с зеленым абажуром. Потертая книга с закладкой дожидалась на столе. Книга была старинная, выпущенная, скорее всего, еще до войны с немцами, и называлась «Основы математики в применении к естествознанию».

«Если мы попытаемся установить закономерности более общего порядка, – прочитал Антон и забросил в рот жвачку, – то, установив известные гипотезы о соотношениях между дифференциально малыми элементами исследуемых величин, получаем искомую связь в виде дифференциального уравнения, проинтегрировав которое мы найдем выражение искомой закономерности». Текст становился все более увлекательным и захватывающим. Петрищев не заметил, как досидел до полуночи.

Только внезапное чувство голода заставило Антона оторваться от книги. Родители давно спали. Они намеревались проснуться с рассветом и выехать из города, пока машин мало и на улицах нет пробок. Петрищев на цыпочках проследовал на кухню. На столе стояла ваза из плетеных ивовых прутьев, полная аппетитных слив. Но Антона сливы не прельстили. Он открыл холодильник, достал пакет с кефиром и сыр, отрезал тонкий кусок белого хлеба и уселся ужинать. Залив немного воды в быстрозакипающий чайник, включил его. В доме Петрищевых электроэнергию экономили и много воды в чайник не заливали. Закусив, Антон старательно вымыл за собой посуду и покинул кухню. Вернувшись в комнату, он подумал, что заниматься больше не стоит, иначе завтра на пирушке у Вики захочется спать. С сожалением отметив закладкой недочитанную страницу, Петрищев улегся в кровать и мгновенно уснул.

Солнце субботним утром встало в положенное время. В восемь тридцать Антон проснулся. На первый взгляд ничего необычного не случилось – молодой человек выспался. Но Петрищев по выходным просыпался в девять. Поглядев на часы, юноша зевнул и прилег было доспать положенное время. Но внутри все напряглось и зазвенело. Он вскочил с постели и, подпрыгнув, побежал в ванную. Такого с ним тоже раньше не случалось. Антон делал все размеренно и никогда не скакал по квартире как заяц. Родители давно укатали на дачу. Продолжая подпрыгивать, Антон умылся и поскакал на кухню. Сливки по-прежнему с верхом наполняли вазу. Но если вчера Антоша их не заметил, то сегодня сразу положил пару сливин в рот. Потом еще и еще, и так до тех пор, пока ваза не опустела, оголив плетеное ивовое доньшко. Лишь одна сиротливая фруктина затаилась на краю вазона. Завтракать теперь не имело смысла. Антон вернулся в комнату и потрогал джинсы и свитер. Вчерашняя одежда подсохла, и Петрищев вполне бы мог бы в ее облачиться. Однако вместо этого он открыл шкаф, извлек выходной костюм с галстуком, достал из ящика белую сорочку и через несколько минут превратился в денди. Галстук с перламутровыми блестками на темно-синем фоне необычайно шел к его пегой шевелюре и круглому лицу с заметной конопатостью в области щек и носа. Оглядев себя с разных сторон в зеркало, Петрищев вышел из спальни. Внутри юноши продолжала звучать бодрая мелодия. Видимо, она и сделала поведение Петрищева необычным и странным. Само по себе желание приодеться сегодня было оправданно: Петрищев приглашен на праздничный обед по случаю семнадцатилетия подруги. Станным было другое. До обеда оставалась уйма времени. Никогда раньше он бы не облачился в выходной костюм так загодя. И уж вовсе выходило за всякие рамки то, что Антон Петрищев покинул квартиру, не застелив собственную постель.

Очутившись на улице, Антон двинулся вперед целеустремленным шагом, словно сегодня был вовсе и не выходной, а самый что ни на есть рабочий день и Петрищев опаз-

дывал на важное совещание. Антон шел, сам не зная куда. Ноги пронесли его по Большой Никитской, мимо легкомысленного памятника Петру Ильичу Чайковскому, мимо Манежной площади со всеми чудесами гениального Зураба Церетели, мимо громады здания гостиницы «Москва». Вот Петрищев развернулся и оказался на Тверской. Позади остался бывший Музей Революции, то бишь Английский клуб, и удалой поэт Маяковский, победоносно взирающий на Триумфальную площадь, совсем недавно носившую его имя. Антон миновал Белорусский вокзал, до которого у новых дизайнеров пока не дошли руки, и знаменитый стадион «Динамо», как и все стадионы превращенный в торговые ряды. Дальше следовал Сокол с его небоскребом Гидропроекта и очаровательной церковью за станцией метро.

Петрищев шел и шел, словно заведенный. Удивительная музыка, которую он услышал в себе с утра, гнала вперед, и Антон не чувствовал ни усталости, ни голода.

Внезапно музыка смолкла. Петрищев остановился и машинально поглядел на часы. Стрелки показывали половину второго. Антон вздрогнул и огляделся. Из-за верхушек деревьев торчал шпиль Речного вокзала. По широченному Ленинградскому шоссе нескончаемым потоком неслись машины.

«Какой ужас, я опаздываю! – подумал Антон. Через двадцать минут Вика начинает праздничный обед. – А подарок?» – Петрищев побледнел: подарок он оставил дома, уверенный, что до двух вернется. Времени заезжать домой не оставалось.

«Такси!» – обрадовался Антон спасительной мысли. Порывшись в карманах пиджака, юноша выудил бумажник и с волнением принялся его изучать. Заветная сторублевка покоилась на своем месте в потайном отделении. Но чтобы поймать машину, идущую в центр, необходимо попасть на противоположную сторону шоссе. Петрищев искал глазами подземный переход, но поблизости его не оказалось. Тогда педантичный и благовоспитанный юноша, нарушая личные правила поведения и казенные правила дорожного движения, ринулся на проезжую часть. Машины с визгом и скрежетом тормозили перед ним, шоферы извергали невероятные и замысловатые ругательства в его адрес, но Петрищев, не обращая внимания на крики водителей и визг тормозов, продолжал опасный рейд, пока не перешел Ленинградское шоссе...

«Опаздывать нехорошо», – в Антоне проснулась заглушенная странной музыкой аккуратность.

Теперь машины неслись к центру Москвы. Петрищев шагнул на мостовую и поднял руку. К нему подрулил лимузин. Если бы не страх опоздать, в такую машину Антон никогда бы не сел. Но на раздумья времени не оставалось. Он плюхнулся на сиденье рядом с водителем и назвал адрес. Водитель, совершенно седой, но не старый еще мужчина, поглядел на Петрищева голубыми глазами ребенка и переспросил:

– Лихов переулочек?

Петрищев кивнул, и машина рванула с места. Необычайная скорость, с которой они неслись по Ленинградке, Антону не понравилась. Сзади, в салоне, что-то постукивало. Петрищев оглянулся и с ужасом обнаружил полированный гроб. Страшный ящик подпрыгивал и трясся, крышка с него постепенно сползала, поблескивая тусклым медным блеском массивных ручек.

– Что это? – заикаясь от страха, спросил Антон.

– Жмурик, – ответил водитель и вновь оглядел пассажира детскими голубыми глазами.

– Сейчас же остановите машину! – закричал Петрищев не своим голосом.

Водитель ухмыльнулся и прибавил скорость. Они, как в американском боевике, перестраиваясь из ряда в ряд и обгоняя всех на гноем пути, гнали, не останавливаясь на светофорах. Антон, преодолевая страх, еще раз оглянулся. По спине поползли мурашки. Из-под крышки гроба выбилась рука с тонкими пальцами, украшенными черным маникюром. На мертвенно-бледном мизинце сверкал перстень. Камень перстня блеском слепил раза. Антон

зажмурился и замер. Чтобы не потерять сознание от ужаса, он вобрал в легкие как можно больше воздуха и заорал так, будто его уже поджаривают:

– Стойте! А-а-а-а!

Шофер от неожиданности выпустил руль, и страшный удар вжал тело Антона в сиденье. На несколько мгновений Петрищев лишился чувств. Сколько длилось беспамятство, он не понял, но, когда сознание вернулось, еще минуту боялся пошевелиться. Потом повертел ногой – цела. Руками – тоже. Антон привстал и глянул на водительское место. Седого он не обнаружил. Руль, сбитый ударом вбок, упирался в спинку водительского сиденья.

Петрищев открыл дверь и осторожно вышел. Лимузин стоял, обтекая капотом фонарный столб. Задняя дверь машины открылась и торчала кверху. Рядом на тротуаре лежал полированный дубовый гроб, плотно закрытый крышкой. Петрищев, дрожа всем телом, приблизился к жуткой таре. Внезапно гроб открылся и голубоглазый с неестественной улыбкой выскочил оттуда, словно его выбросила пружина. Антон отшатнулся. Седой не обратил на него внимания и аршинными шагами удалился. Как оказался водитель в гробу? Антон не успел и подумать. Он лишь заметил у водителя на пальцах бледной руки черный маникюр и на мизинце сверкающий перстень.

Минуту Петрищев стоял без движения. Наконец оцепенение его оставило, и юноша осмотрелся. Авария настигла катафалк прямо возле парадного Вики. Когда машина успела свернуть с Ленинградки на Садовое кольцо и оказаться у Лихого переуллка, пассажир не заметил. Возле соседнего подъезда, где находился центральный вход в банк «Недра», невозмутимо покуривали охранники. Чрезвычайное происшествие возле вверенного им объекта нисколько секьюрити не беспокоило. Они и не смотрели в сторону искореженного лимузина. Этого весьма странного обстоятельства перепуганный Петрищев не проанализировал.

«Цветы!» – с досадой подумал он и в ту же минуту в пустом дубовом гробу увидел букет роз. Цветы немного подвяли, но были великолепны. Антон схватил розы и понесся вверх по лестнице.

Вика жила на последнем, четвертом этаже. В старом особняке были такие высокие потолки и длинные пролеты мраморной лестницы, что в современном доме четвертый этаж равнялся бы восьмому. На последних ступеньках перед Викиной дверью Петрищев почувствовал неладное. «Сливы!» – промелькнула страшная мысль. Что делать? Неприлично же вместо поздравления любимой опрометью броситься в туалет! Но с организмом шутки плохи. Антон Петрищев, в синем двубортном костюме, в галстук с перламутровыми блестками, дрожащей рукой тронул звонок. За дверью послышались смех и крики. Вика, в розовом платье, румяная, с томным подводом глаз и бровей, не успела открыть дверь, как ее кавалер, отпихнув девушку и воткнув ей в растопыренные ручки букет, пронесся по коридору и скрылся в туалете.

Смех и крики гостей смолкли. Вика с розами так и застыла на пороге своей квартиры. Тревожная тишина сменила праздничный шум. После долгой паузы в туалете послышался характерный звук ватерклозета. Его сменило тихое журчание. Потом стихло и оно. Вика и гости долго смотрели на дверь, за которой скрылся Петрищев. Антон не выходил. Гости стали смущенно переглядываться. Наконец, один из них, двоюродный брат Вики Саша, не выдержал:

– Что он там, помер?

– Как тебе не стыдно! – одернула парня строгая брюнетка Варя, грозно взглянув на нахала.

Снова наступило неловкое молчание. Кругленькая и всегда бойкая евреечка Соня молчание прервала:

– Может быть, человеку плохо?

– Скорее всего, ему уже хорошо... – пошутил вихрастый Колька, оскалив крупные передние зубы. На него зашикали и замахали руками. Пауза становилась слишком долгой. Вика, наконец, захлопнула входную дверь и, на цыпочках подкравшись к туалету, постучала.

– Антоша, с тобой все в порядке?

Ответа не последовало. Тогда Вика тихонько подергала дверь. Дверь не поддавалась. Вика стала дергать ручку сильнее и спрашивать громче:

– Антоша?! Что с тобой?

Девушка ощутила тревогу. Вроде бы ее пожелания сбывались. Кавалер вел себя необычно. Но разве этого она хотела?! Все наперебой начали кричать и стучать в дверь. Антон признаков жизни не подавал. Дело принимало дурной оборот.

– Ломать? – спросил вихрастый Колька. И, получив утвердительный кивок именинницы, вместе с ребятами принялся высаживать дверь. Вика стояла поодаль. Румянец на ее лице исчез, в глазах застыл ужас. Она представила своего кавалера в туалете. С поникшей головой, в двубортном костюме, со спущенными брюками. Если ему и суждено умереть, почему так позорно? Над Викой всю жизнь станут смеяться: возлюбленный погиб на унитазе в ее семнадцатую весну.

Все эти страшные и позорные мысли смешались в голове девушки, борясь с естественным любопытством: что же произошло с Петрищевым?

Наконец крепость поддалась. Замок хрустнул и освободил щеколду. Дверь распахнулась. Крик изумления вырвался у присутствующих. В туалете никого не оказалось. Лишь полоса туалетной бумаги извилистой лентой стекала с катушки, уходя длинным концом в бездонное чрево ватерклозета. Каждый пытался заглянуть в эту таинственную глубину.

– Деньги, – тихо прошептала Соня.

– Сотня, – удивленно проговорил вихрастый Колька. Вика заглянула в унитаз и увидела там плавающий сторублевый билет Государственного российского банка. Это были деньги Антона Петрищева, которые он намеревался истратить на такси.

Глава 2

Как Петрищев оказался в туалете

Как оказался в туалете квартиры третьего этажа, Петрищев понять не мог. Он вообще ничего не понял. Неожиданно его что-то завертело и понесло. Мгновения грохочущей бездны, и он оказался тут. Что помещение изменилось, он заподозрил, увидев перед собой на двери вместо календаря с Аленом Делоном календарь с кошечками. Осторожно приоткрыв дверь и сделав первый шаг по квартире, Петрищев услышал странный звук. Звук доносился из кухни. Антон заглянул туда и обнаружил жирного наглого кота. Кот, вытянув спину, точил свои когти об обои. По виду обоев Антон догадался, что кот подобное упражнение проделывает не впервой.

Увидев юношу, котяра выгнул спину и истошно завопил. Из глубины квартиры повторились шлепающие старческие шаги, и появилась сухая и прямая как жердь бабка.

Петрищев снова забился в туалет и заперся на щеколду. Шарканье приближалось. Бабка прошла мимо. Петрищев слышал, как она на кухне успокаивает горланящего кота. Закончив сюсюкать, старуха пошла назад. Возле двери шаги ее смолкли. Петрищев услышал покашливание и сопение совсем рядом. Постояв и подумав минуту, бабка, наверное, решила, что раз она поднялась с кресла, то не грех заодно заглянуть в туалет. Ее пальцы коснулись дверной ручки и, отжав замок, потянули на себя. Дверь оказалась запертой. Бабулька дернула посильнее и неожиданно сказала:

– Ах, извините, я не знала, что занято. Затем сделала несколько шагов вглубь и приостановилась. До старухи дошло, что в доме она одна и туалет занимать некому. Сделав столь несложное открытие, бабушка заорала благим матом. Петрищев от страха дернул спусковое устройство. И снова грохот и мрак окутали его и поволокли вниз.

Через секунду он очутился в таком же туалете. Только в нем находилась барышня, приводившая в порядок свой костюм. Увидев Петрищева, барышня округлила глаза и тихо сказала:

– Ой...

Тут уж Петрищев закричал во всю глотку. Неизвестно, чем бы кончилась эта неожиданная встреча с незнакомкой, но Антон схватился за спусковое устройство. Он еще не осмыслил, что с ним происходит, но в глубине сознания отметил, что спусковое устройство ватер-клозета существенно меняет его местопребывание.

Снова грохот и мрак подхватили Петрищева. На этот раз он попал в совершенно иное помещение. Стерильный кафель стен, машинка для сушки рук и катушка с необычайно розовой и мягкой туалетной бумагой указывали, что Петрищев находится в укромном уголке богатого офиса. Несколько минут Антон таился и думал. Но причины происходящего с ним перемещения определить не мог. Тогда молодой человек застегнул брюки, поправил галстук и начал вспоминать все по порядку.

Странности и чудеса начались с самого утра. Петрищев проанализировал события одно за другим, припомнил черный лимузин с седым голубоглазым водителем и свой конфузный момент возле квартиры Вики и сделал вывод, что все это сон. Неприятный, долгий сон, который случается иногда в субботу. Наверняка сейчас больше девяти часов утра, а он дрыхнет. От этого и снится всяческая галиматья. Дело оставалось за малым: надо проснуться!

Петрищев протер глаза. Ом даже подошел к раковине из белоснежного фаянса и, нажав на иноземный рычаг, пустил воду. Рычаг заменял краны с холодной и горячей водой. Антон с такими кранами встречался. Если кран до конца отвернуть вправо – идет горячая вода,

влево – холодная. Петрищев умылся ледяной шипящей водой, вытерся нежнейшим шелком туалетной бумаги и опять протер глаза. Сон не прерывался. Оставалось ждать.

«Почему мне так долго снится одно и то же. Не торчать же весь сон в туалете!» решил Антоша и осторожно приоткрыл дверь.

Высунув голову, юноша обнаружил светлый коридор, заканчивающийся решеткой из толстых прутьев. За прутьями виднелась стальная дверь с колесом-ручкой, напоминающей штурвал корабля.

«Это же сейф!» – догадался Петрищев. И только теперь вспомнил, что в доме его подружки первый этаж занимал банк.

Антон прокрался по коридору. В конце имелась лестница наверх. Но путь к лестнице преграждала вторая решетка из таких же толстых прутьев. Антон прошелся несколько раз от одной решетки до другой и хотел повторить проход, когда послышались шаги и шелест колес. Это два служащих катили вниз по специальному желобу тележку с деньгами. Если денег так много и их нельзя потратить – для служащих они превращаются в тяжелые бумажные кирпичи.

В субботу банковский день короче, но служащие Замараев и Пестиков с удовольствием бы уже сейчас обедали в семейном кругу, окруженные верными подругами, детьми и внуками, а не катили бы постылую тележку. Петрищев снова ретировался в туалет и прикрыл за собой дверь. Внезапно пожилых работников сердито окликнул директор:

– Вы тут на лестнице два миллиона потеряли! Надо быть, господа, поаккуратнее.

Петрищев по звуку шагов понял, что рассеянные сотрудники пошли назад, и снова осторожно высунул голову. Перед его изумленным взором предстали деньги. Тугие и толстые пачки, обвязанные банковской лентой и запечатанные в целлофан, горкой наполняли тележку и с трудом помещались в ней. Петрищев потрогал пачки, но работники возвращались, и он вновь шмыгнул в туалет.

Служащие пристроили на тележку еще несколько пачек.

– Ничего мы не потеряли, – проворчал Замараев, – директор докладывает свои темные денежки, а делает вид, будто мы растеряхи.

Пестиков захихикал и добавил:

– Козел. Жульничает с клиентами, а сам из себя благотворителя изображает.

– Ты о сифилитиках? – спросил Замараев.

– О них. Денежки на счет венерического диспансера переводит. Сифилитикам на микстуру, – пояснил Пестиков и зашипел: – Тише, идет...

Антон услышал глухой звук открывающейся стальной двери, но не видел, как тележка с деньгами оказалась за металлическими воротами сейфа, в хранилище. Не видел, как запирался кодовый замок и как директор все это опечатывал. Когда все смолкло и шаги затихли, Петрищев покинул свое убежище. Но деваться было некуда. Кроме туалета в его распоряжении оказалось пространство в двадцать шагов, ограниченное двумя решетками. Антон потрогал решетки, подергал их за прутья, но массивная конструкция даже не задрожала. Петрищев уперся в прутья лбом и ударил их несколько раз. Ощувив боль и не проснувшись при этом, он, наконец, уверился, что не спит. Стало обидно, что вместо того чтобы сидеть за столом, пить вкусный спрайт и есть пироги, которые так здорово печет мама Вики, он торчит тут. Время тянулось ужасно медленно. Хотелось есть. Петрищев решил было закричать, но как объяснить свое появление в банке, да еще возле хранилища? «Пожалуй, так просто и не отпустят», – подумал Антон и, усевшись на корточки, погрузился в протрацию. Непонятный жужжащий звук привлек его внимание. Сначала звук казался далеким. Но постепенно он становился громче. Петрищев привстал и на всякий случай ретировался к спасительным дверям. Продолжая прислушиваться, приложил ухо к правой стене. Стена заметно подрагивала. Звук явно шел справа. Сколько прошло времени, Петрищев не заметил. Как только он

позвонил в квартиру Вики, часы на его руке остановились, и запустить их снова Петрищеву не удалось. Сверлящий монотонный вой нарастал, пока кирпичи стены не отвалились и в них не просунулась грязная рука.

Петрищев спрятался, но дверь до конца не закрыл, продолжая наблюдение. С грохотом, подняв жуткую пыль, часть стены отпала, и в коридоре появились три фигуры, припорошенные кирпичной крошкой и бетонной мукой. Одна фигура чихнула и выругалась. Петрищев в туалете покраснел. Он очень не любил ругательных слов и никогда их сам не употреблял.

– Я же говорил, блин в корень, надо левее! – закричал один из стенопроходцев.

– Да, братаны, мы метров пять дали маху, – почесывая темя под грязной маской, ответил второй.

– Все гад Петруха. Его расчеты. И зачем мы ему поверили? Всегда, дубина, имел двойку по геометрии, – добавил первый. Третий стенолаз сносил упреки поделщиков молча и только виновато сопел.

– Ну и как теперь попадем в хранилище? – поинтересовался второй. Наступила долгая пауза.

– Надо взрывать, – наконец подал голос третий.

– Всю охрану, блин в корень, поднимем, – возразил первый.

– На воздух, – хихикнул второй.

– Нашел, болван, время шутить, – оборвал его первый и заметил дверь в туалет. – А там что?

– Клозет. Банкиры пользуют, – ответил третий.

– Может, через стену сортира проще? – спросил второй. – Надо бы проверить.

Одна из фигур пихнула дверь ногой. Петрищев отлетел вглубь, чуть не угодив в чрево унитаза. Взломщики были удивлены и испуганы не меньше, но, поняв, что юноша один, навели на него автоматы.

«Похоже, что меня собираются пристрелить», – сообразил Петрищев и зажмурился. Но выстрелов не последовало.

– Как ты, блин в корень, сюда попал, пижон? – спросил первый стенолаз. Петрищев молчал. Он понимал, что отвечать надо, но не знал что. Антон и себе этого объяснить не мог. Еще труднее выдумать правдоподобное объяснение взломщикам.

– Не знаю... – промямлил он безнадежным голосом.

– Да это, братаны, конкурент! Мочить надо, – взвизгнул взломщик, обвиненный в двойках по геометрии.

– Выйдем, – предложил первый взломщик поделщикам, – помозговать надо.

Троица вышла в коридор и принялась шептаться.

Взломщиков звали Петей, Ганей и Додиком.

– Зачем его мочить? – удивился До-дик.

– Заложит, гад, – ответил Ганя. Петр наморщил лоб и молчал.

– Твое слово, Петруха, – заключил До-дик. Взломщики уставились на поделщика, но Петруха продолжал морщить лоб и молчать. Наконец он изрек:

– Успеем. Пока пусть ходит с нами.

– На черта нам этот, блин, пижон? – возмутился Ганя.

– Тупица, парень хоть и не гигант, а килограммов пятнадцать поднять сможет, – процедил Петр сквозь зубы.

– Ну и что? – не понял «коллегу» Ганя.

– Болван, ты можешь прикинуть, сколько это будет в купюрах?!

– Ты о чем? – заинтересовался Додик. Он начал понимать ход Петрухиных мыслей, но желал уточнения.

– Сколько весит одна сторублевая бумажка? – ехидно спросил Петр.

– Кто ж ее, блин в корень, знает, – развел руками Ганя.

– То-то... А сколько их будет в пятнадцати килограммах? – продолжил свой допрос Петр и, не получив ответа, изрек: – Пусть пижон поработает носильщиком. Пришибить всегда успеем.

Закончив совещание, взломщики вернулись в туалет и сообщили бледному как смерть Петрищеву, что он взят в банду носильщиком и ему присвоена кличка Пегий.

Снова взревели отбойные молотки, и через полчаса через стену туалетной комнаты компания пробралась в святая святых. В хранилище горела синим светом лампочка. Деньги лежали на стеллажах в банковских упаковках. В центре стояла тележка, полная денежных кирпичей. Директор разрешил оставить ее до начала рабочей недели неразобранной. Взломщики вытащили из-за пазухи мешки и принялись их набивать. Петрищев, бледный и испуганный, стоял рядом и дрожал.

– Чего трясешься, Пегий? Денег не видел? – рявкнул Додик.

Петрищеву приказали снять рубашку и, завязав рукава, напихивать в нее пачки сто-рублевки. Когда же тележка опустела, Ганя протянул руку к полке, и в тот же миг завывала сирена. Полки оказались подключенными к сигнализации. Взломщики вылезли через дыру в туалет, затем стали по одному протискиваться в лаз. Петрищев оказался между ними. Дуло автомата упиралось ему в спину.

– Мой выходной костюм! – невольно вырвалось у Петрищева, когда синяя шерсть его парадной одежды превратилась в буро-серую.

– Думай, Пегий, о шкуре, а не о тряпках, – резонно заметил Додик и для наглядности сильно ткнул Петрищева сталью автомата.

Протискиваясь сквозь сырые и грязные стены, они оказались в шахте или в тоннеле. Но перед тем как выйти, Ганя пошуровал в проходе, и кирпичи с грохотом засыпали лаз, по которому они только что пробирались. Глухие удары падающей породы еще долго звучали сзади. Петрищев сильно вспотел. Он не привык таскать тяжести в столь неудобной таре, как собственная рубашка, и никогда раньше не передвигался по столь отвратительному грунту. Антоша подвернул ногу, набрал песка и кирпичной крошки в свои лакированные туфли, отчего каждый шаг в наполненной дрянью обуви причинял боль. Его мучители шли как ни в чем не бывало, даже подпрыгивали и там, где почва под ногами позволяла, переходили на бег. Сколько времени продолжался поход по подземным лабиринтам, Петрищев не знал. Ноги Антона давно бы подкосились, если б не толчки автомата сзади.

Наконец, когда юноша понял, что через десять шагов он свалится и никакой автомат не сможет поднять его, Ганя объявил:

– Перекур.

Они уселись на толстую трубу, обмотанную какой-то дрянью. Взломщики уложили мешки с добычей на залитый битумом пол и развалились на трубе, закурили. Додик взял рубашку с деньгами, что волок за собой Петрищев, приподнял ее, прикидывая на вес, и мечтательно произнес:

– Мильена два... Не меньше.

Петрищев вспомнил, как работники банка потеряли именно два миллиона, когда волокли тележку, и чему-то усмехнулся.

– Что лыбишься, Пегий? – угрожающе поинтересовался Петр.

Петрищев промышчал нечто невразумительное и, усевшись на трубу, снял туфли и, высыпав из них песок, снова попытался надеть. Ноги от долгой и неудобной ходьбы распухли, и обувь не налезала. Антону пришлось расшнуровываться.

– Ну, хреновы миллионеры, пора высовывать нос на свежий воздух, или рванем дальше? – затыгиваясь вонючей сигаретой, спросил Ганя.

– Надо бы поглядеть, где мы, – ответил Петр, гася свой чинарик об обмотку трубы.

– Вот и сходи, разведай, – предложил Додик.

Петр взвалил свой мешок на плечи и исчез во мраке подземного хода. Через минуту он вернулся и сообщил, что впереди развилка. Два тоннеля идут направо и прямо, а третий поворачивает налево и назад. Но в первых двух воды по колено.

– Значит, пришли, – сказал Ганя. – Тут должна быть, блин в корень, лестница. Седой ждет возле люка.

Первым пошел искать лестницу Додик. Он тоже взвалил свой мешок. Оставшиеся молча сопели, привалившись к трубе. Додик не возвращался. Прошло минут двадцать пять. Молча поднялся Ганя и, тоже прихватив свой мешок, растворился во мраке подземелья. Петрищев облегченно вздохнул. Из всей троицы один Петр не казался Антону страшным. Да и автомата у него не было. Додик и Ганя не возвращались. Где-то вдали слышались выкрики и замелькали лучи фонарей.

– Надо смываться, – шепнул Петр и потянул Антона за рукав. Антон двинулся за Петром, но тот остановился и грозно спросил: – Где бабки?

Антон поднял рубашу с деньгами. Голоса становились громче. К людским крикам прибавился лай собак. Петр бросил рукав Антона и побежал вперед. Внезапно он вскрикнул и исчез. Петрищев сделал шаг и чуть не улетел в черную бездну. Хорошо, что сверху сюда проникал тоненький луч света. Но Петрищев скорее почувствовал, чем увидел, пропасть. Он в ужасе отступил от края. Потом встал на четвереньки и, ощупывая пол рукой, подполз к отвесному обрыву. Заглянув вниз, Петрищев отшатнулся и ударился головой о железо. Перед ним оказалась лестница.

Крики и лай собак приближались. Не понимая, что он делает, Антон схватил рубашу с банкнотами и полез вверх по лестнице. Лестница была ржавая и подозрительно скрипела и дрожала. Петрищев почувствовал, что она отрывается. Он вытянул руку, и рука ушла в пустоту. Антон бросил туда мешок и только успел втиснуть в нишу половину туловища, как лестница полетела вниз и шмякнулась в глубине во что-то мягкое. Антон заполз в нишу и затаился.

Лай собак стремительно приближался. Вот псы рядом. Внезапно их злобный рык оборвался и из глубины послышался жалобный скулеж. Ищейки упали в пропасть. Через минуту внизу появились люди. Сколько их было, Петрищев не видел. Если судить по голосам, не меньше шести-семи. Остановившись у края отвесной ямы, они направили лучи своих фонарей на дно.

– Смотри, песики, – сказал один из пришедших. – Да там и наши клиенты.

– И мешочки при них, – добавил другой.

– Не повезло ребятам, – усмехнулся третий.

Петрищеву хотелось крикнуть и попросить, чтобы его вытащили. Но внутренний голос тихо и настойчиво приказал молчать. И что он скажет в свое оправдание? Признается, что в банк попал случайно и сам не знает как. Деньги его заставили нести под прицелом автомата. Кто поверит этому?

Несколько фонарей высветили дно колодца. Петрищев осторожно высунул голову и тоже заглянул вниз. На дне в неестественных позах лежали его мучители. Ржавая железная лестница вдавила их в жидкую грязь. В этой грязи барахтались две овчарки. Только успел Петрищев убрать голову, как лучи фонариков метнулись вверх.

– Гляди, Воронков, там была лестница. Они хотели уйти вверх, да не смогли. Лестница тяжести не выдержала, – сообщил один из пришедших.

– Двадцать миллионов их и придавили, – ухмыльнулся тот, кого называли Воронковым. – Надо поглядеть, куда ведет этот колодец.

Петрищев слышал, как внизу по связи переговаривались между собой. Ноги и руки юноши затекли. Лежать в одном положении было невыносимо. Петрищев пребывал в пол-

ной темноте и не знал, как велика ниша, укрывшая его. Он вновь протянул руку вперед и уперся в кирпичную кладку. Тогда он пошарил вокруг. Налево стены не оказалось. Антон осторожно, чтобы не быть услышанным, пополз. Ниша тянулась узким тоннелем. Антон полз, подтягивая за собой рубаху с деньгами.

Неожиданно над головой что-то загрохотало. Петрищев вжался и замер. Казалось, сейчас свод обрушится, и ему крышка. Грохот так же внезапно прекратился. Через минуту снова, но не так громко. «Это же улица. Надо мной едут машины!» – сообразил Антон. Впереди замаячило светлое пятно. Петрищев прополз еще несколько метров и оказался под решеткой для стоков дождевой воды. Это он понял не сразу. Внутри сточной системы он раньше не бывал. Петрищев лежал и смотрел на небо. Вдруг небо ему закрыли. Над ним промелькнуло что-то розовое в кружевах. Петрищев покраснел как рак. Он никогда не заглядывал женщинам под юбки.

Полежав немного на спине, Антон предположил, что над ним не очень людная улица. После дамы в кружевах, закрывшей небо, следующий прохожий промелькнул минуты через три. Петрищев двумя руками уперся в решетку, и она на удивление легко поддалась. Собравшись с силами, юноша отодвинул чугунную конструкцию и поднялся. Первое, что он увидел, был черный катафалк, доставивший его к подъезду Вики. Седой водитель с голубыми глазами стоял возле машины и не мигая смотрел на Петрищева детскими голубыми глазами.

– Нет... – простонал Антон. Седой ухмыльнулся и приоткрыл дверь лимузина.

– Молодой человек, при таком внешнем виде я бы тут долго находиться не рискнул.

Петрищев только теперь сообразил, что его грязный костюм и туфли да еще галстук на голой шее – рубашку он снял по приказу взломщиков – выделяют его среди горожан. С трудом шевеля затекшими конечностями, Антон залез на сиденье и оглянулся назад. Машина была пуста, если не считать венка с траурными лентами и лопаты. Седой с поклоном закрыл за Петрищевым дверь и, оценив взглядом набитую купюрами рубаху, спросил:

– Это все?

Петрищев не ответил. Снова они мчались на бешеной скорости, не останавливаясь на красных сигналах светофора. Через десять минут Седой затормозил.

– Вылезайте. Вы приехали.

– Куда? – дрожащим голосом спросил Антон.

– Домой, – серьезно ответил водитель.

– Спасибо, – машинально проговорил Петрищев и попытался выйти.

– Вы не соизволили расплатиться, господин Петрищев, – напомнил водитель.

Петрищев полез в карман своего грязного пиджака, достал из него бумажник, но денег не обнаружил.

– Напрасно вы там роетесь. Рубли не тонут, – строго сказал Седой.

– У меня нет денег, – растерянно проговорил Антон и услышал громкий хохот. Он взглянул на своего спасителя и увидел, как тот корчится от смеха.

Нахохотавшись вволю, Седой достал из кармана белоснежный платок с черными вензелями. Перстень на его мизинце сверкнул так, что Петрищеву пришлось зажмуриться.

– Вы, молодой человек, должны мне за две поездки сто тысяч. И поскольку мне придется сегодня еще раз везти вашу персону, будем считать за проезд в три конца с вас сто тысяч.

Петрищев, наконец, сообразил, что деньги у него есть. И, запустив руку в рубашку, достал пачку банкнот.

– Я не знаю, сколько тут...

– Тут именно столько, – улыбнулся Седой и умильно сощурил свои небесные глазки. После чего забросил пачку с банкнотами назад, туда, где лежали траурный венок и лопата.

– Советую вам принять душ, переодеться и вернуться к вашей возлюбленной.

– Там все уже давно закончилось, – ответил Петрищев.

– Не думаю. Вы отсутствовали ровно полтора часа, – сказал Седой и с поклоном распахнул дверцу лимузина.

Петрищев вышел из машины.

– Вы забыли свою рубашечку, молодой человек, – услышал он вслед.

Антон взял рубашу с пачками сторублевок и скрылся в подъезде. Родители не вернулись. Они собирались заночевать на даче. Петрищев взглянул на часы. Стрелки и вправду показывали половину четвертого.

«Как столько событий смогло произойти в столь короткое время?» – подумал Антон.

Но не удивился. Человек ко всему привыкает, в том числе и к чудесам.

Первым делом Антоша сбросил с себя изгаженный костюм, галстук и туфли. «Придется тащиться в чистку». Грустная мысль пришла, но ненадолго. Внутри снова зазвучала бодрая утренняя мелодия. К мелодии добавились слова: «Я миллионер! Я миллионер! Я миллионер! Куплю новый костюм, и не один, а десяток. И галстуков десяток, и башмаков. Всего много, чтобы менять каждый день!» Напевая и приплясывая, он брезгливо собрал свой костюм, взял двумя пальцами бывшие выходные туфли и в трусах отправился на лестничную клетку. Зев мусоропровода гулко заглотил его одежду. Клавдия Васильевна, хозяйка соседней квартиры, примостившись возле дверного глазка, с удивлением наблюдала, как полуголый соседский парень, приплясывая, пронесся по лестничной площадке.

Уж не заболел ли мальчик? – покачала головой сердобольная Клавдия Васильевна.

Петрищев принял душ, натянул джинсы и линялую ковбойку и напихал деньги во все карманы. Остальные он аккуратно, пачка к пачке уложил в платяной шкаф. Рубашу хотел было тоже отнести в мусоропровод, но передумал – пускай останется как реальный свидетель его невероятных приключений. Не прошло и получаса, как свежий, пахнущий мылом и шампунем Антон Петрищев покинул квартиру. Выйдя из подъезда, юноша огляделся. Катафалка на месте не оказалось. Черный лимузин исчез.

– А деньги содрал за три конца. За сто тысяч мог бы и подождать, – обиделся Антон и вспомнил, что опять забыл подарок для Вики, но возвращаться не стал. – Найду что-нибудь подороже, – решил он и зашагал к Никитским воротам.

В цветочном магазине, за бывшим Кинотеатром повторного фильма, он купил ведро самых дорогих роз, оплатив и само ведро. Антон поднял руку. Новенький «жигуленок» с визгом притормозил рядом. Петрищев поглядел на водителя: не окажется ли он седым с голубыми глазами. Но водитель «жигуленка», явно выраженное лицо кавказской национальности, на Седого ничем не походил. Петрищев сел на заднее сиденье и приказал ехать в Лихов переулок, но остановиться у ювелирного магазина. В ювелирном он купил кулон и толстую золотую цепочку. Все это продавец поместил в бархат тисненой кожаной шкатулки и просил заходить еще. Проезжая мимо салона дорогой итальянской одежды, Петрищев снова велел остановить машину.

Салон магазина поблескивал зеркалами. Манекены в дорогих костюмах, пальто и свитерах нагло улыбались улыбками мертвецов. К Антону подошли сразу три продавщицы. Петрищев посмотрел на девушек и подумал, что если бы красавицы замерли, то легко бы сошли за подруг манекенных денди. Антону приглянулся белый двубортный костюм. Продавщицы похвалили вкус Петрищева и помогли подобрать к костюму сорочку и галстук. Туфли светло-коричневой кожи с квадратом новомодного каблука оказались по ноге. И здесь, получив приглашение еще раз посетить салон, Петрищев уходил, облаканный вниманием. Когда он взялся за ручку дверцы «жигуленка», владелец с признаками кавказской национальности его не признал.

– Машина занята, – извиняющимся тоном сообщил водитель, но, приглядевшись, засиял улыбкой: – Извини, шеф. Ты словно с обложки журнала.

К дому Вики в Лиховом переулке протиснулись с трудом. Возле банка «Недра» парковались с десяток иномарок. Все они имели на крыше синие фонари для спецсигналов, и лишь санитарная «Волга» с красным крестом, сошедшая с отечественного конвейера, его не имела. Возле входа в банк толпились люди в милицейской форме. Кроме охранников, всегда торчащих у дверей, сейчас здесь еще дежурили омоновцы с автоматами. Петрищев расплатился и, схватив ведро с розами, прошмыгнул в Викин подъезд. Перед тем как надавить на звонок квартиры, Антон вспомнил, как пришел сюда два часа назад, и густо покраснел.

Вика открыла дверь и молча стала смотреть на Петрищева.

– Вам кого? – спросила девушка, не признавая в госте своего кавалера.

– Вика, ты чего? Не узнаешь? – спросил Антон и протянул остолбеневшей подружке розы вместе с ведром. Вика приняла ведро, продолжая изумленно взирать на Антона. Наконец в ее округлившихся глазах появилось нечто вроде мысли:

– Ребята! Петрищев вернулся!

Из комнаты выскочили гости, с криками и смехом обступили Антона, но, оглядев шикарный белый костюм, франтовские туфли и ведро с розами, притихли. Первым молчание нарушил вихрастый Колька:

– Ты, никак, с того света?

– Куда ты подевался из туалета? – шепотом спросила Соня.

– Дайте человеку войти в квартиру, – прервала вопросы к Петрищеву подруга Вики Варвара.

Антон повели в комнату. Он с удовольствием отметил восхищенные взгляды девушек. Так девчата никогда раньше на Петрищева не смотрели. На столе оставались недоеденные куски пирога. Вика вынула заначенную для родственников бутылку шампанского.

Постепенно разговор снова коснулся странного исчезновения Антона. Петрищев старался отшутиться. Шутки шутками, но Антон прекрасно понимал, что объясниться придется. И пока Вика перед подругами хвалилась дорогим подарком, он напряженно думал. Нужное и таинственное слово «МЕДИТАЦИЯ» подвернулось неожиданно. Когда вихрастый Колька опять пристал со своими ехидными вопросиками, Петрищев многозначительно произнес:

– Я медитировал.

Наступила мертвая тишина. Вика и ее гости с восхищением уставились на Антона. Но тот не сказал больше ни слова.

– Ты у меня необыкновенный! – затаенным шепотом сообщила Вика. – Хочешь, я надену твой подарок? Он восхитительный. Я даже мечтать о таком не могла.

Петрищев посмотрел на девушку, отметил ее восторженный и влюбленный взгляд и величественно разрешил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.